

И. Р. Григулевич

О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РЕЛИГИИ (мысли религиоведа по поводу мыслей этнографа) *

В последнее время стало модным выступать видным ученым по важным мировоззренческим вопросам и ограничивать себя оговоркой, что речь идет о разрозненных мыслях, беглых набросках, заметках¹. С. А. Токарев свою, на мой взгляд, важную и содержательную статью «О религии как социальном явлении» назвал скромно — «Мысли этнографа». Следуя его примеру, я тоже позволил себе озаглавить свой отклик на нее «Мысли религиоведа». Читатель поймет, почему я это сделал, из текста данной заметки.

Статья С. А. Токарева вызвала, как можно судить по обилию ответов ему, опубликованных на страницах журнала «Советская этнография», широкий резонанс среди религиоведов, что говорит об актуальности затронутых в ней вопросов. Действительно, в настоящее время в силу ряда обстоятельств интерес к вопросам религии заметно возрос и среди ученых-специалистов, и среди широких кругов общественности. Причины тому разные. В социалистических странах борьба с религиозными пережитками все еще стоит на повестке дня. За пределами стран социалистического содружества традиционные религии переживают глубокий кризис, внутренний разлад, теряют адептов, вынуждены менять ориентацию, приспосабливаться к новым условиям, к реальностям современного мира. Общеизвестны такие факты, как II Ватиканский собор, избрание польского кардинала Войтылы папой римским — первого неитальянца за последние 420 лет на престоле св. Петра, деятельность «мятежных» церковников, выступающих с осуждением капитализма и империализма, роль мусульманского духовенства в антиимпериалистической революции в Иране, появление новых культов и вместе с тем растущий отход от религии в странах капитала широких слоев трудящихся. Даже невооруженным глазом видна в этих изменениях связь религии с социально-политическими изменениями, происходящими в современном мире.

Вместе с тем религия была и остается сложным явлением, многогранным как в историческом плане, так и в социальном. Ведь религия существовала на всех широтах, во все времена, во всех исторических формациях, за исключением далекой первобытности. Разновидностей ее превеликое множество. Некоторые ученые насчитывают их около трех тысяч. Да и каждая религия сама по себе является сложным комплексом таких элементов, как мифология, культ, церковные институты, некий морально-этический кодекс, специфические эмоции. Одна этнография не в состоянии охватить весь этот комплекс разнородных элементов, находящихся в

* По поводу статьи С. А. Токарева «О религии как социальном явлении (мысли этнографа)». — «Сов. этнография», 1980, № 3.

¹ См., например, статью акад. Д. С. Лихачева «Заметки о русском». — «Новый мир», 1980, № 3.

диалектически-противоречивом единстве. Религиоведение как научная дисциплина пользуется данными и этнографии, и ряда других гуманитарных наук, тем более что в решении общих проблем, касающихся самого содержания этой научной дисциплины, мало одних лишь «мыслей этнографа» и ограничиваться здесь только критериями и рамками этнографии — значит проявлять известную цеховую ограниченность. Считаю себя тоже не чужаком в этнографии, но религию рассматриваю не только как этнограф, но и как религиовед, в широком плане, причем религиовед-марксист не может не быть атеистом.

Невозможно в религиоведении обойтись без определенной трактовки самого понятия религии, т. е. без определения последней. С. А. Токарев относится несколько скептически ко всем возможным определениям религии. Он сводит их к двум типам — богословскому и атеистическому. С «некоторым удивлением» отмечает С. А. Токарев, что оба упомянутых определения при всей их полярной противоположности — тоже имеют «нечто общее» (с. 87), а именно: богословы утверждают, что потусторонняя сила (т. е. бог) существует, а атеисты отрицают ее существование. В другом месте автор говорит о безнадежном и беспредметном повторении фраз «Бог есть» и «Бога нет» (с. 96). К слову сказать, тот, кто много веков тому назад первым сказал, что «бога нет», положил начало подлинной революции в умах людей. Это утверждение лежит у истоков научного мышления человечества. Современную буржуазию чрезвычайно шокирует отрицание бога, хотя именно из ее рядов вышли в новое время «ниспровергатели» бога. Когда мексиканский художник Диего Ривера изобразил слова «Бога нет!» на одной из своих фресок, это вызвало грандиозный скандал в антиклерикальной Мексике. По велению владельца фрески слова были замазаны. Таких примеров можно было бы привести немало. Мне, религиоведу, поэтому кажется, что указанные слова не заслуживают того, чтобы их по значению приравнивали к богословскому тезису о существовании бога, к тому же сопровождая их пренебрежительными комментариями. Исходя из утверждения С. А. Токарева, можно подумать, что он считает атеизм своего рода «религией наоборот», т. е. придерживается точки зрения, как известно, бытующей в западной религиоведческой, и не только в религиоведческой, литературе и направленной на дискредитацию научного атеизма и марксизма в целом.

С. А. Токарев признает, что нужно «изучать содержание религиозных верований», причем он усекает слово «социальное», что позволяет ему сделать вывод: «Их (верования.— И. Г.) изучать надо, но не следует считать это главной целью исследования» (с. 97). Тех, кто не согласен с таким странным утверждением (к сожалению, он не указывает, кого конкретно имеет в виду), автор заранее обвиняет в том, что они-де «еще не до конца разделались с богословской традицией в изучении религии» (с. 97). Рассуждать так — значит перекладывать ответственность с больной головы на здоровую. Стремление С. А. Токарева поставить на одну доску верующих и атеистов вызывает по меньшей мере удивление. Куда более логично рассуждал поэт К. Бальмонт. Он писал:

Да, жизнь есть сон,
И сон — все сновиденья.
Но тот достоин высшего венца,
Кто и во сне не хочет заблужденье.

Именно заблуждений не желают атеисты. В этом и заключается принципиальная разница между ними и верующими. Но если на это С. А. Токарев смотрит иначе, то позволительно спросить его: к кому он сам себя причисляет? Ведь мы до сих пор считали его не только атеистом, но и атеистом-марксистом.

Автор приписывает атеизму, в частности марксистскому, удивительную ограниченность: весь багаж атеизма состоит якобы в формуле «Бога нет». Таких горе-атеистов высмеяли еще Илья Ильф и Евгений Петров, изобразив в романе «Золотой теленок» спор Остапа Бендера с ксендзом Алоизием Морошкой. Остап твердил, что бога нет и что это медицинский факт, а Морошек — что бог есть, ибо «все живое создано им». На что Остап отвечал: «Знаю, знаю, я сам старый католик и латинист. Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер».

Но ведь то был Остап Бендер, советские же религиоведы, следуя указаниям КПСС, всегда осуждали примитивизм в атеистической пропаганде. Они исходят из марксистского понимания религии как сложного социального явления. Бог, учил В. И. Ленин, есть «(исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой подавленностью человека и внешней природой, и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту подавленность, усыпляющих эту борьбу». Вместе с тем В. И. Ленин вовсе не трактовал религию вне исторических рамок. Там же он указывал: «Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи против другой*»².

Атеисты-марксисты вовсе не сводят все к спору о боге, хотя этот вопрос, конечно, фигурирует в нашей пропаганде. Они никогда не относились к идее бога и к религиозным учениям в целом как к искусственным выдумкам, обману, жульничеству, они рассматривают их как идеи, возникшие в конкретной исторической обстановке, на определенной социальной основе; вместе с этими условиями, с базисом идеи эволюционируют, видоизменяются, «отчуждаются», иногда проявляют даже большую живучесть, чем обстановка, породившая их.

Автор приписывает марксистскому атеизму многое из того, что присуще взглядам просветителей, буржуазных антиклерикалов. Для них религия — набор «глухих сказок», злостных выдумок, поповских обманов. Марксисты же вскрывают земные корни сверхъестественного, и этим они отличаются от буржуазных атеистов. Но, как учил Ленин, труды великих просветителей могут и должны быть использованы нами в борьбе с религиозными предрассудками.

Проф. Сеид Хуссейн Алатаз опубликовал в журнале ЮНЕСКО, посвященном общественным наукам, статью «Трудности в определении религии». В этой статье он писал: «К сожалению, истоки религии остаются таинственными и соображения на этот счет остаются в своем большинстве домыслами. Некоторые даже считают, что бесполезно пытаться прояснить этот вопрос»³. С. А. Токарев принадлежит к числу последних. Он утверждает, что «после двухвековых стараний понять и определить характер ранних форм религиозных верований в науке так и не найден убедительный ответ на вопрос, что они собой представляли...» (с. 89). Но даже если ученый и согласится с этим спорным утверждением, он не вправе поставить на этом вопросе крест: наука отличается от религии и тем, что она не отказывается работать над решением трудных проблем.

С. А. Токарев заявляет, что древние религии, стоявшие примерно на одном уровне общего исторического развития, выполнявшие одну и ту же социально-идеологическую функцию, чрезвычайно резко отличались друг от друга по своему идейному содержанию (с. 90). Что здесь подразумевается под идейным содержанием, трудно сказать. Вместе с тем С. А. Токарев утверждает, что содержание этих религий «вообще не составляло их существенной стороны» (с. 90). Вывод парадоксален и алогичен. Автор, по-видимому, забывает, что мир, а тем более первобытный,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

³ Syed Hussein Alatas. Les difficultés de définir la religion.— «Revue Internationale des Sciences Sociales». Paris, 1977, XXIX, № 2, p. 233—276.

древний, отличался ввиду целого ряда обстоятельств многообразием, что сказалось не только на различиях в культурах, но в языковом, расовом и многих других аспектах. Но из этого вовсе не следует, что подобного рода различия принадлежат к ряду необъяснимых, таинственных явлений.

Автор утверждает, что главное в религиозном мировоззрении — проблема источника зла на земле, а вовсе не вера в сверхъестественное, ибо последняя отсутствует в ряде культов. Идея не новая. Ее высказывали в прошлом многие религиеведы. Так, в уже упоминавшейся статье Сейда Хуссейна Алагаса говорится: «Там, где не существует добра и зла, не существует общества, человек не может жить. Дифференциация действий согласно понятиям добра и зла является основой человеческого бытия. Религия отвечает этой потребности, предоставляя морально-нормативные правила, четко отличающие добро от зла»⁴. И тем не менее можно найти десятки культов, в которых проблема источника зла вообще не фигурирует или центр тяжести ее переносится на проповедь непротivления злу (толстовство) или даже на его восхваление, как в некоторых так называемых демонических культурах. Но даже там, где религия провозглашает борьбу со злом своей главной функцией, она не столько борется с ним, сколько способствует его укреплению. Напомним известное высказывание Лукреция: «Сколько зол может принести религия» («*Tantum religio potuit andere malorum*»). Это вовсе не значит, что борьба со злом не занимает видное место во многих культурах, но столь же верно и то, что вера в сверхъестественное также является отличительной чертой многих религиозных культов.

Значит ли это, что нет какой-либо одной отличительной черты, характерной для всех существующих религий? Вовсе нет. Такая отличительная черта существует, на нее первым указал Маркс, назвав религию опиумом народа. Это и есть та черта, на наш взгляд, которая определяет религию как социальное явление, хотя к ней и не сводится, разумеется, религия.

Не кто иной, как Маркс, первым указал, на религию как на социальное явление, вызвав тем самым подлинный переворот в наших представлениях о религии. Эти факты, конечно, хорошо известны автору. Однако он в статье о религии как социальном явлении почему-то счел возможным их не коснуться...

Основоположники марксизма-ленинизма учили рассматривать религию через призму классовой борьбы. Вспомним хотя бы призыв В. И. Ленина в статье «О значении воинствующего материализма»: «Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды»⁵.

Можно ли в свете этих ленинских высказываний назвать религию «элементом культуры» (с. 27)?

С. А. Токарев считает, что мало или ничего определенного мы не знаем о ранних формах верований. Современные «верующие», по его мнению, мало знают о вероучении своих религий. Это относится и к «мировым» религиям — буддизму, христианству, исламу, содержанию вероучений которых весьма различно. Далее, ссылаясь на марксистскую точку зрения, согласно которой религия есть социальное явление, одна из форм общественного сознания, автор утверждает, что из этого следует само определение религии: она есть не столько отношение человека к богу (богам), сколько отношение людей друг к другу — по поводу представлений о боге (богах) (с. 91). А из этого делается вывод, что изучать религиозные представления — дело второстепенное.

Трудно согласиться с этим выводом. Да, действительно, наши знания о ранних формах религии недостаточно полны и точны, но они значи-

⁴ Syed Hussein Alatas. Указ. раб.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 28.

тельно продвинулись вперед по сравнению с прошлым веком. Это касается и других сторон познания религии. Сам факт недостаточности наших знаний о религиозных учениях еще вовсе не значит, что мы должны прекратить их изучение. «Всякая религия,— указывал Ф. Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»⁶. Не следует забывать и о том, что, определяя религию как опиум народа, К. Маркс имел в виду ее учение, а вовсе не взаимоотношения людей.

В процессе изучения религии мы выясняем обстоятельства, порождающие религиозные представления, с тем чтобы выявить пути их преодоления. Марксисты стремятся все знать о религии не только для того, чтобы научно объяснить ее возникновение, ее особенности и причины ее долгодлительства в человеческом обществе, им нужно это знание как оружие борьбы за освобождение человека от религиозных предрассудков.

Вызывает немалое удивление и определение С. А. Токаревым главной задачи историка (этнографа?) религии: не проникновение в сущность образов фантазии, их сходства и различий между ними, а изучение той социально-культурной среды, тех конкретных исторических условий, при которых создавались эти образы, той расстановки людей, их сплочения или, наоборот, разобщения, которые отражались в создании религиозных представлений (с. 105). Если религиовед будет только этим заниматься, то вряд ли он сможет постичь сущность религиозной идеологии, раскрыть содержание религии как социального явления, социального зла. К тому же непонятно, почему из сферы изучения религиоведа автор исключает классовый подход, заменяя его феноменом сплочения-разъединения, который является производным от классовых противоречий. Религия — слишком сложное явление, одним социологическим анализом его объяснить нельзя. Историк, исходя из данных о классовой структуре общества, изучает содержание религиозных образов, догматику данной религии, ее обрядность, церковную организацию, социальную деятельность церкви, наличие в данном обществе «народных» форм культа, других религий помимо исследуемой, изучает механизм восприятия религиозного учения верующими, его психические, физиологические и прочие аспекты. Что это именно так, свидетельствует сам пример С. А. Токарева-религиоведа, который в своих трудах вовсе не ограничивается узкоэтнографическим подходом, могущим раскрыть только одну из сторон религиозного феномена, хотя он и является в отличие от некоторых из нас этнографом «*par excellence*». Может быть, именно поэтому собственно этнографы почти не ответили на его статью, ибо он затронул в ней круг вопросов, в которых его коллеги не чувствуют себя компетентными.

Для марксистов важен вопрос, чьим классовым интересам служат религиозные представления, церковь. Марксисты стремятся привлечь верующих к борьбе за обновление мира. Об этом говорит и тот факт, что многие компартии, критикуя реакционные позиции церквей, не препятствуют верующим вступать в их ряды. Марксисты всегда отрицательно относились к «отмене» религии.

Остается еще один вопрос, на котором стоит остановиться. С. А. Токарев спрашивает, какими сюжетами должны заниматься этнографы-религиоведы? И отвечает: взаимоотношениями религии и этноса. Но этот сюжет слишком неопределен и в то же время узок. И действительно, если судить по опыту самого С. А. Токарева — нашего ведущего этнографа-религиоведа, то диапазон его интересов в этой области значительно шире, чем данная им здесь формула. И это естественно. Сама статья С. А. Токарева, хотя она обозначена в подзаголовке как «мысли этно-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 328.

графа», затрагивает коренные, принципиальные вопросы всего религиозоведения. При всем этом у этнографов здесь есть своя специфика, своя тематика. Это отражение религии народов в быту, народные верования, религиозные обряды и культы типа «народного» католицизма, явления религиозного синкретизма, пережитки первобытных культов, культы бесписьменных народов, «малые» культы, сектантские новообразования, народные поверья, новые обряды. Иначе говоря, предметом этнографического исследования должно быть все относящееся к верованиям и лежащее за пределами «организованных» традиционных религий. Это вовсе не значит, что религиоведы-этнографы не должны изучать организованные религии или их верования.

С. А. Токарев необоснованно считает, что исследование религиозных учений соответствует богословской традиции. То, что сам С. А. Токарев не изучает вероучения, еще не значит, что те, кто это делает, с марксистской точки зрения, похожи на богословов. Вероучение есть составная часть любой организованной религии, и было бы наивным не изучать его с марксистских позиций только потому, что С. А. Токарев считает, что вероучение — набор выдумок, нелепостей, алогизмов.

Мы знаем С. А. Токарева как крупного советского ученого — историка и этнографа, любим и уважаем его за его научную эрудицию, преданность интересам науки, за его неприязнь к рутине, стремление сказать свое слово, выразить новую, свежую мысль, соображение. В этом отношении С. А. Токарев является примером, достойным подражания. Однако не со всем, что утверждает наш маститый коллега, можно согласиться, да он и сам не ожидает полного с ним согласия и всегда рад, если его утверждения вызывают споры, не оставляют его коллег равнодушными. Я надеюсь, что и мое выступление в этом плане придется ему по душе.

**ON THE SOCIAL ROLE OF RELIGION
(SOME THOUGHTS OF A SCHOLAR IN THE FIELD
OF RELIGION IN CONNEXION WITH THE THOUGHTS
OF AN ETHNOGRAPHER)**

In his remarks in connexion with S. A. Tokarev's paper («Sovetskaya Etnografia», 1979, No. 3) the author notes that religion is a complex phenomenon both in the historical and the social plane. Beliefs should be studied integrally, with the participation of specialists of different profiles. The author argues against a simplified interpretation of Marxist atheism which is not to be reduced to an a priori denial of God, but regards religion as a complex of ideas originating in a concrete historical situation and on a definite social basis and changing as they change. Hence it is necessary to study both the conditions which engender religious images and ideas, and those images and ideas themselves. The author considers that a phenomenological approach to the study of religion cannot take the place of its Marxist analysis based upon a party, class standpoint.